

БРИГАНТИНА ОПУСКАЕТ ПАРУСА

Ветер крепчал. Бригантина мчалась туда, где небо зеленое, а лес — синий. Капитан, обветренный, как скалы, вел корабль к самой дальней мечте. Яростные и непокорные люди Флинта пели песню.

...Двухмачтовое парусное судно шло вблизи берегов. Барометр показывал ясно. Паруса были спущены по случаю переучета парусины. Капитан, выбритый электробритвой «Харьков», глотал поливитамин. А в трюме пахло мылом. Море было подкрамелено, вода дистиллированная. Люди Флинта выпускали стенную газету «За уют всех кают», в которой критиковали одного нерадивого флибустьера за плохо заправленную койку.

— На какой корабль, — раздался вдруг крик, — ринется больше добровольцев? Вопрос, ввиду очевидной его праздности, оставим без ответа.

Когда же это началось? Когда, придя в свой родной театр, юный зритель вдруг заметил, что в коридорах спертый воздух, вдоль стен шпалеры учителей, наводящих порядок, а в зал опоздавшие входят, когда захотят? Юный зритель догадался, что перед ним вроде бы заискивают: не наказывают, не пусти в зал, а напротив, всеми силами стараются втиснуть туда. И пальто в антракте не дают по той же причине. Приобщают.

Что же, так уж оскудел Львовский театр имени Горького зрителем? Да нет! Дневные спектакли, как праздник, идут при полном зале. О выездах и говорить не приходится. Зритель все больше «организованный», спектакли «целевые». Но это, пожалуй, больше заслуга бюро организации зрителя.

Первое слово — афише. Ее содержание ставит под сомнение название театра. Действительно, «Иванко златокудрий», «Красные дьяволята», «Ночное чудо» и «Одолень-трава» чувствуют себя довольно робко в соседстве с «Платоном Кречетом», «Ста тысячами», «Под одним небом», «Гюрой любви» и «Лаурой». А ведь это — текущий репертуар театра плюс спектакль «И на воле — узник», посвященный 150-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. (На выездах играется еще несколько «взрослых» спектаклей.)

Вот спектакль «И на воле — узник». Нужно сразу сказать, что пьеса М. Михаса чрезвычайно слабая. Собственно, автор просто диалогизировал весь известный ему материал о пребывании Тараса Григорьевича Шевченко в Нижнем Новгороде по возвращении из ссылки.

Прежде всего вызывает сомнения трактовка образа поэта (арт. А. Янчуков). Он пессимистичен, угрюм, раздражителен. Принципиально неверна и разработка образа нижегородского полицеймейстера Лапко (арт. А. Лапшин), о котором Шевченко отзывался положительно. Он одержим только одной мыслью: поскорее остаться одному, чтобы выпить. Лапко галлюцинирует. Подается это весьма эффектно: гаснет свет, с подсвечником в руке, как Герман в спальне старой графини, стоит полицеймейстер на авансцене. В это время в глубине сцены на месте портрета царя появляется... Шевченко и читает гневные стихи. Рынок к портрету, проклятья... В раме снова портрет царя.

Но почему образ поэта должен быть порождением расстроенного алкоголем воображения? Зачем воскрешать дурную традицию — изображать всех врагов кретинидами, дабы малейший проблеск мысли положительного героя казался интеллектуальным подвигом? Не нуждается Тарас Шевченко в таких скидках!

Есть в этом спектакле великолепная актерская работа — исполнение Н. Славянским роли Щепкина. Но сцены с его участием воспринимаются вне всякой связи со спектаклем в целом. Виной тому — отсутствие жанрового единства в режиссерском решении и трактовке образов.

Значительно более цельна в этом отношении «Лаура» («Дети и яблочки»), также поставленная А. Рипко. Правда, здесь другое «кно», не менее существенное: для чего театр поставил эту очень слабую пьесу?

Смутен нравственный критерий и в спектакле «Пора любви» (режиссер В. Наумченко). Разумеется, отступлений от нравственности нет. Но нравственность, высокая, активная, преобразующая, в спектакле отсутствует. Ведь если пьеса, подобная «Поре любви», попадает в репертуар театра юного зрителя, она должна быть поставлена по-иному, чем во «взрослом» театре. Ибо воспитание чувств — одна из главнейших задач ТЮЗа.

...Группа театра чрезвычайно пестра по составу, и отсутствие организующей воли и мысли режиссера сказывается немедленно. Нередко исполнитель просто показывает, какими сценическими данными и какой степенью профессионализма он обладает.

«Актарская проблема» в театре так же тревожна, как и репертуарная. В труппе большая текучесть. Выпускники театральных вузов, как правило, не задерживаются больше, чем на сезон-два. Так, один из ведущих молодых актеров Ю. Вервейко предпочел перейти во Львовский театр Советской Армии, где пока дольствуется участием в массовых сценах и незначительными эпизодами. В театр имени Заньковецкой перешел способный Ю. Еременко. Есть молодые актеры, не имеющие никакого профессионального образования. Общая сценическая культура невысока.

Индивидуальная работа с актерами ведется слабо. Порою режиссер решает тот или иной образ, не считаясь с природой дарования актера, его возможностями. Наиболее ярко это проявилось в исполнении молодой актрисой Христиной Фирман роли Лауры в одноименной пьесе К. Кондря. Актриса по своему психофизическому складу ярко выраженная «травести». В Лауре же она изо всех сил старается играть неотразимо очаровательную девушку. И очарование это должно читаться как... соблазнительность. И вот хрупкий ребенок начинает копировать «роскошных» кинозвезд. Смешно и горестно!

Конечно, в труппе есть и очень сильные, интересные актеры — А. Янчуков, Н. Славянский, М. Шевченко, В. Хорошун, П. Шаповалов, А. Лапшин, Л. Крамаренко, Т. Орланко, Д. Кудрявцев. Но это все среднее и старшее поколение. Может быть, это тоже одна из причин «взрослого» крена в репертуаре?

Из четырех пьес, адресованных зрителю пионерского возраста, одна — «Иванко златокудрий» — сказка, вторая — «Красные дьяволята» — былина, «Ночное чудо» — героическая драма о днях войны, «Одолень-трава» — легенда. Ни одного спектакля о том, что волнует наших ребят сегодня, ничего о школе, о пионери, о единстве поколений. Да, таких пьес немного, но ведь нельзя же делать из этого удобной отговорки.

Но вернемся еще раз к спектаклям. «Иванко златокудрий» — веселый и поучительный спектакль, который юные зрители охотно смотрят по несколько раз.

Заслуживает похвалы работа режиссера В. Наумченко над «Одолень-травой» Любимовой. Спектакль остроумно оформлен художником И. Дешко, в нем ровный актерский ансамбль, есть выдумка.

И «Дьяволята» не могут пожаловаться на холодный прием. Напротив, зал бушует. Непрестанно звенит смех. Но гражданская война, очевидно, за давностью лет вообще остается где-то за кулисами. Правда, на сцене с треском стреляют пистонами, так что зал наполняется едким дымом. Однако это не война. Это потеха. И бесстрашные «дьяволята» превращаются в веселых проказников. Правда, когда Дунаша попадает в лапы бандитов, зрители вскакивают с мест и, как всегда, дают советы бежать, спрятаться, предупреждают об опасности. Иначе такой зритель вести себя не может (и какое же наслаждение для актера чувствовать эту горячую заинтересованность!). Главное в спектакле — не подвиги «дьяволят». Режиссер А. Рипко делает акцент на сцене пьянки у батьки Махно. Бандиты в живописнейших костюмах и замысловатом гриме горланят песни, лихо отплясывают, дерутся. И делается все это так обстоятельно и долго, что смеяться Дунаши воспринимается, как трюк.

Обилие бытовых подробностей снижает героическое звучание спектакля.

Подобное произошло и с «Ночным чудом» Г. Ягждана. И название, и композиция, и жанр пьесы требовали решения приподнято-романтического. Юный партизан-герой Вяля Котик, погибший в Отечественную войну, приходит в наше сегодня, чтобы рассказать тем, кто не знал войны, как завоевывался мир. Прием условный. Но оформление художника Ю. Стефанчука не отвечает строго пьесе.

...По состоянию своих финансовых дел Львовский театр юного зрителя на хорошем счету. Часто его даже ставят в пример иным театрам. Воздадим должное администратору, но воздадим же и художественному руководству!

У Львовского ТЮЗа славное прошлое, хорошие традиции, в коллективе работает немало романтиков, энтузиастов, не соблазнившихся в благе и «взрослых» театров, которые им неоднократно сулили. Это настоящий экипаж бригантины, не покидающий судно ни при каких бурях и верящий в то, что они помогут «флибустьерам» из зрительного зала домчаться до мечты.

Обычно желают счастливого плавания. Да, счастливого, но чтобы волны были бурными, а ветер крепким.

С. ВЕСЕЛКО.

г. Львов.

СОВЕТСКОЕ
г. Киев

3 ИЮН
1964